

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-239-242

© М. Ю. Коренева

А. С. ПУШКИН И А. ЛАФОНТЕН (ПРИМЕЧАНИЕ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ»)

Август Лафонтен (August Lafontaine, 1758–1831) принадлежал к числу тех писателей, которых невозможно было не заметить: по тиражам, по прижизненному читательскому успеху он намного опередил всех своих собратьев по перу и, как писал Г. Гейне в «Романтической школе», «прославился больше, чем Вольфганг Гете».¹ В списках общедоступных библиотек Германии Лафонтен, писавший в среднем по два-три многоотомных романа в год, на протяжении полувека неизменно занимал первую строчку, численность его читателей, среди которых были представители разных социальных групп (от монархов до кухарок), составляла около 2 000 000 (при средних тиражах книг других авторов 500–700 экз.), книготорговцы покупали его романы еще до того, как они были написаны, а усердные переводчики разных стран стремительно переводили его тексты.² Известен он был и в России — и по многочисленным переводам на русский язык,³ и по не менее многочисленным переводам на французский,⁴ и по откликам в европейских и отечественных журналах, помещавших на своих страницах рецензии (в основном благожелательные), малую прозу Лафонтена или отрывки из его произведений, а также небольшие биографические очерки его жизни, как правило, переведенные с немецкого. Боль-

ше всего внимания Лафонтену уделял «Вестник Европы», от которого не отставали и «Благонамеренный» и «Сын отечества».⁵ Среди тех переводчиков Лафонтена, имена которых сегодня известны, были не только люди, включенные в литературный процесс, такие как Н. М. Карамзин, М. Т. Каченовский, И. Ф. Тимковский, П. В. Победоносцев, И. И. Мартынов, В. М. Княжевич, И. И. Ястребцов, Н. А. Радищев,⁶ но и такие, для которых, судя по всему, приобщение к переводу было случайным и порой единственным литературным опытом (Б. И. Иваницкий, Е. Е. де ла Мар (урожд. Валлиеран), А. В. Каразина (урожд. Мухина), Н. Базильев, В. Сорокин). Пик популярности Лафонтена в России пришелся на конец 1810-х — начало 1820-х годов, после чего его слава стала постепенно угасать, его романы перешли в круг чтения поколения «детей»,⁷ хотя его продолжали переводить и переиздавать, а память о нем сохранялась и в 1830-е, и в 1840-е годы, когда литературная репутация Лафонтена, считавшегося еще недавно

¹ Гейне Г. Собр. соч.: В 10 т. Л., 1958. Т. 6. С. 157.

² August Lafontaine (1758–1831): ein Bestsellerautor zwischen Spätaufklärung und Romantik / Hrsg. von C.-F. Berghahn, D. Sangmeister. Bielefeld, 2010. S. 8–12; о тиражах и переводах романов Лафонтена можно судить по следующей библиографии: Bibliographie August Lafontaine / Hrsg. von D. Sangmeister. Bielefeld, 1996.

³ Из 160 романов Лафонтена на русский язык было переведено 70. См. библиографию русских переводов Лафонтена (с некоторыми лакунами), составленную П. Дреусом: *Dreus P. Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850*. München, 2008. S. 271–273.

⁴ См.: *Bihl L., Epting K. Bibliographie französischer Übersetzungen aus dem Deutschen 1487–1944*. Tübingen, 1987. Bd 1. S. 133–135, 205–209.

⁵ См. подробнее: История русской переводной художественной литературы: 1800–1825. Очерки / Отв. ред. В. Е. Вагно, Е. Е. Дмитриева, М. Ю. Коренева. СПб., 2022 (в печати).

⁶ К этому перечню можно, вероятно, добавить и В. А. Жуковского, который, как предположил Н. К. Кульман, опубликовал повесть Лафонтена «Сватовство наоборот», подписав перевод: Ж. (Сын отечества. 1825. Ч. 102. № 26. С. 315–356; оригинал: «Das Mädchen auf Freierrfüßen» (1803)). См.: Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Пг., 1921. Т. 1. 1814–1833 годы / Под ред. и с прим. Н. К. Кульмана. С. 435 (Архив братьев Тургеневых; вып. 6).

⁷ См., например: [Надеждин Н. И.]. Память Августа Лафонтена // *Телескоп*. 1831. № 10. Раздел VIII. Современная летопись. С. 249; *Галахов А. Д.* История русской словесности, древней и новой. СПб., 1868. Т. 2. С. 172; *Григорьев А.* Воспоминания / Изд. подг. Б. Ф. Егоров. Л., 1980. С. 73. См. также: *Сиповский В. В.* Татьяна, Онегин, Ленский (Из литературной истории Пушкинских «типов») // *Русская старина*. 1899. Июнь. № 6. С. 578.

«добродетельным» писателем и певцом идеальной семейной жизни, была радикально пересмотрена и он был отнесен к «безнравственнейшим» сочинителям эпохи, развращавшим сердца ложными картинами семейных отношений и скрытой «чувственностью».⁸

Читал ли Пушкин хотя бы один роман Лафонтена, доподлинно неизвестно. В его библиотеке сочинения этого автора отсутствуют, хотя они были в тригорской библиотеке большой любительницы романов П. А. Осиповой-Вульф, книгами которой пользовался Пушкин.⁹ И тем не менее самое общее представление о творчестве знаменитого немецкого писателя у Пушкина явно имелось. Своеобразным «ответом» Лафонтену, имя которого было на слуху, и его многочисленным почитателям стали известные строки, относящиеся к Ленскому (гл. 4, строфа L):

Он весел был. Чрез две недели
Назначен был счастливый срок.
И тайна брачные постели
И сладостной любви венок
Его восторгов ожидали.
Гимена хлопоты, печали
Зевоты хладная чреда
Ему не снились никогда.
Меж тем как мы, враги Гимена,
В домашней жизни зрим один

⁸ См., например, суждение А. А. Григорьева, зачитывавшегося романами Лафонтена в ранней юности и назвавшего его впоследствии писателем, «равно помешанным на чувственности самой ядовитой и дразнящей, как и на добродетели самой приторно-немецкой» (*Григорьев А. Воспоминания*. С. 73).

⁹ [Модзалевский Б. Л.]. Каталог библиотеки села Тригорское: [Приложение к Отчету Отделения Императорской академии наук...] // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. С. 27–28. Здесь указано два романа Лафонтена в переводе на французский язык: *La famille de Halden*, traduit de l'allemand d'*Auguste La-Fontaine* par M. V.... Paris. 1803 (оригинал: «Die Familie von Halden», 1797; рус. пер.: «Живописная картина семейственной жизни, или г. г. российско-армейской офицер и графиня Л.», 1812; рец. Н. И. Греча: Санкт-Петербургский вестник. 1812. Ч. 1. № 3. С. 353–356); Fleming fils, ou la manie des systèmes, traduction libre de l'allemand d'*Auguste Lafontaine* / Par Madame de Cerenville, traducteur du baron de Fleming. Paris. 1803 (оригинал: «Leben und Thaten des Freiherrn Quinctius Heumeran von Flaming», 1795–1796; рус. пер. (с французского) И. И. Ястребцова: «Барон Флеминг, или Страсть к титулам», 1806; этой публикации предшествовал вольный сокращенный пересказ романа, помещенный на страницах «Вестника Европы» (Вестник Европы. 1804. Декабрь. Ч. 18. № 23. С. 177–213)).

Ряд утомительных картин,
Роман во вкусе Лафонтена...
Мой бедный Ленской, сердцем он
Для оной жизни был рождён.

К имени Лафонтена Пушкиным добавлено примечание (№ 26): «Август Лафонтен — автор множества семейственных романов»,¹⁰ обстоятельства появления которого, не отмеченные комментаторами и обойденные молчанием в специальных статьях, посвященных пушкинским примечаниям,¹¹ нуждаются в некотором пояснении. В первой публикации четвертой главы (1828) это примечание отсутствовало. «Антилафонтеновский» пассаж в «Евгении Онегине» вызвал критику Б. М. Федорова, отозвавшегося на публикацию четвертой и пятой глав статьей в «Санкт-Петербургском зрителе», в которой он писал по поводу этих строк: «Забавно, но зачем певец Онегина жертвует цветами поэзии для украшения легкомыслия? — Без Гимена нельзя обойтись и романтикам, или романтическая поэзия сама собою уничтожится».¹² Об этом же Федоров говорил с Пушкиным и при личной встрече, как сообщал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу в письме от 18 апреля 1828 года: «Твой Федоров издает журнал и в нем критикует Пушкина, а पूще всего требует от него нравственности. После того встретились они у меня, и Пушкин насмешил меня с ним; „Отчего не описываете Вы картин семейного счастья?“ и тому подобное говорил ему нравочитель, а тот отвечал ему по-своему».¹³ Что именно ответил Пушкин в том разговоре, восстановить невозможно, но тема эта не забылась, и при публикации «Евгения Онегина» отдельным изданием в 1833 году поэт добавил к имени Лафонтена примечание — завуалированный ироничный ответ Федорову. Объяснять читателю начала 1830-х годов, кто такой Лафонтен, явно было не нужно, но, выбрав такую формулировку, которая преподносила Лафонтена как неизвестного, забытого писателя, Пушкин тем самым давал понять, что лафонтеновский роман как тип повествования с его неизменно счастливым концом и психологическими «моногероями» принад-

¹⁰ В первом полном прижизненном издании «Евгения Онегина» это авторское примечание имело номер 27 (Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1833. С. 269); впоследствии, после удаления примечания № 23, относящегося к посвящению П. А. Плетневу (Там же. С. 268), это примечание получило номер 26.

¹¹ Чумаков Ю. Н. Об авторских примечаниях к «Евгению Онегину» // Болдинские чтения. Горький, 1976. С. 58–72; Громбах С. М. Примечания Пушкина к «Евгению Онегину» // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1974. Т. 33. № 3. С. 222–233.

¹² Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб., 2001. С. 66.

¹³ Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. С. 67.

лежит прошлому как эстетическая архаика. В этом отторжении, тем не менее, прочитывается не только отрицательное отношение к Лафонтену, но и признание его как литературного явления, достойного того, чтобы на него реагировать, о чем свидетельствует и упоминание романов Лафонтена, хотя и вскользь, в черновике неотправленного письма к Н. Н. Раевскому конца июля 1825 года в связи с проблемой правдоподобия, занимавшей Пушкина в период работы над «Борисом Годуновым». В этом письме Пушкин противопоставляет многомерность художественных характеров Шекспира одномерности лафонтеновских героев: «[Каждый человек любит, ненавидит, печалится, радуется, но каждый — на свой образец, — читайте Ш.]. Существует и еще одна склонность [склонность, достойная романа Авг. Лафонтена]: создав в своем воображении какой-нибудь характер, писатель старается наложить отпечаток этого характера на все, что заставляет его говорить, даже по поводу вещей, совершенно [обыденных] посторонних [его страстям]...».¹⁴ Едва ли такое противопоставление было бы возможно без знакомства, пусть и поверхностного, с романами Лафонтена.

Комментируя строфу L четвертой главы «Евгения Онегина», В. В. Набоков, охарактеризовавший Лафонтена как писателя столь же «бездарного», сколь и «плодовитого», выдвинул предположение, что Пушкин в данном случае имел в виду конкретные романы, которые, по мнению Набокова, могли быть известны ему по французским переводам: «„Два друга“, переведенный на французский графиней де Монтлон (Париж, 1817, 3 тома); или „Признание на могиле“, переведенный Элизой Вояр (Париж, 1817, 4 тома); или, еще более вероятно, „Семья Хальденов“, 1789, в переводе на французский А. Вильмена (Париж, 1803, 4 тома), экземпляр которого <...> был в библиотеке соседки Пушкина, госпожи Осиповой, в Тригорском».¹⁵ Перечисленные Набоковым романы, однако, не входили в ряд тех сочинений Лафонтена, которые многократно переиздавались и пользовались особой популярностью, и первые два из них несколько отклонялись от той повествовательной схемы, которую Лафонтен тиражировал в своих семейных романах. Скорее, Пушкин дал здесь совокупный образ семейного романа лафонтеновского типа

вне отнесенности к какому бы то ни было конкретному тексту. Отсылку же к конкретному роману Лафонтена можно обнаружить, как представляется, в той же четвертой главе, чуть выше, в строфе XXVI, где говорится о круге чтения Ленского и Ольги:

Он иногда читает Оле
Нравоучительный роман,
В котором автор знает বলে
Природу, чем Шатобриан,
А между тем две, три страницы
(Пустые бредни, небыллицы,
Опасные для сердца дев)
Он пропускает, покраснев.

В черновом варианте этой строфы третья и четвертая строка выглядят несколько иначе:

Где скромный немец думал বলে
О пользе чем Шатобриан.¹⁶

Другого «скромного немца», кроме Лафонтена, которого в рецензиях, в том числе и русских, неизменно именовали «добрым пастором», «скромным пастором», в тогдашней литературе просто не было, и этот «немец» ассоциировался в первую очередь с нравоучительностью, в полном соответствии с авторскими декларациями в предисловиях, в которых Лафонтен не устал повторять, что считает свои романы «приготовительной» школой жизни для молодых людей обоюбого пола, находящихся подчас во власти модных веяний и не понимающих, что только семейное счастье является главной ценностью, фундаментом жизненной крепости, спасающей и от всех политических потрясений, происходящих, по его мнению, от сиюминутных увлечений вредными идеями: «Вот молодой человек, которому надлежало бы еще научиться думать, начитается журналов <...> и утомляет слух других гордыми словами: космополитизм, свобода, равенство, критика морали, критика уголовного права, разум, критика критики, гиперкритика, неверие, философия, объективная и субъективная истина, познаваемость, чистый разум, человеческие расы и т. д. <...> Бездеятельно и бессмысленно живет он обычной жизнью, и <...> умирает никем не оплакиваемый в безвестности», — писал Лафонтен в предисловии к роману «Жизнь и деяния барона Квинкция Геймерана фон Фламинга» («Leben und Taten des Freiherrn Quintcius Heymeran von Flaming», 1795–1796), задуманному «как зеркало для таких молодых господ».¹⁷

Отсылка к Шатобриану дает подсказку, какой именно роман Лафонтена в данном случае

¹⁴ Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. 1815–1825. С. 477.

¹⁵ Набоков В. Комментарий к «Евгению Онегину» / Пер. с англ.; под ред. А. Н. Николюкина. М., 1999. С. 483–484. Роман Лафонтена «Два друга» («Die beiden Freunde», 1819) вышел во французском переводе в 1819 году («Les deux Amis»), а не в 1817-м, как пишет Набоков; ни «Два друга», ни «Признание на могиле» («Das Bekenntnis am Grabe», 1811; фр. пер.: «Les Aveux au tombeau») на русский язык не переводились.

¹⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 6. Евгений Онегин. С. 362.

¹⁷ Lafontaine A. Leben und Taten des Freiherrn Quintcius Heymeran von Flaming. Berlin, 1798. Th. 1. S. I–II. Перевод мой. — М. К.

может иметься в виду, особенно если принять во внимание выпущенную Пушкиным IX строфу из первой главы, имеющую отношение к Онегину. Строфа эта существует в двух вариантах:

Первый вариант:

Нас пыл сердечный рано мучит
И говорит Шатобриан
Любви нас не природа учит
А первый пакостный роман —
Мы алчем жизнь узнать заране
И узнаем её в романе
[Лета] придут, а между тем
Не насладились мы ничем —
Прелестный опыт упреждая
Мы только счастию вредим —
Незнание скроется, а с ним
Уйдет горячность молодая
Онегин это испытал
За то как женщин понимал —¹⁸

Второй вариант:

Нас пыл сердечный рано мучит.
Очаровательный обман,
Любви нас не природа учит
А Сталь или Шатобриан.
Мы алчем жизнь узнать заране,
Мы узнаем ее в романе
Мы всё узнали, между тем
Не насладились мы ни чем —
Природы глас предупреждая
Мы только счастию вредим
И поздно, поздно вслед за ним
Летит горячность молодая
Онегин это испытал
За то как женщин он узнал.¹⁹

Общая мысль, высказанная в обоих вариантах этой строфы, созвучна тому, что говорится в «Гении христианства» («Génie du christianisme», 1802) Шатобриана: «Огромное количество жизненных явлений, проходящих перед взором человека, множество книг, рассуждающих о человеке и о его чувствах, обогащают ум, но не опыт. Человек чувствует себя разочарованным, не вкусивши жизни; у него еще есть желания, но нет более иллюзий. Воображение рисует ему богатую, полнокровную, удивительную жизнь, реальность же бедна, суха и непривлекательна. Сердце его полно, а окружающий мир пуст; и ничего не испытавши, он уже во всем разочарован».²⁰

¹⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 226.

¹⁹ Там же. С. 546.

²⁰ Шатобриан Ф. Гений христианства // Зарубежная литература XIX века: Реализм.

При этом во втором варианте имя Шатобриана, входившего в круг чтения и Онегина, и Татьяна, отсылает в первую очередь к его условно «антицивилизационному» роману «Рене» («René», 1802), в центре которого — разочарованный герой, пытающийся обрести новый смысл жизни среди индейцев и дикой природы. В европейском литературном пространстве «Рене» Шатобриана, «знатока» природы, представлял собой среди прочего антитезу «руссоистскому» роману Лафонтена «Природа и любовь, или Человек природы. Картина человеческого сердца» («Natur und Liebe, oder Naturmensch. Ein Gemälde des menschlichen Herzens», 1798),²¹ одному из самых популярных его сочинений, главный «тезис» которого сводится как раз к тому, что именно природа «учит» человека любви. В романе рассказывается о молодом человеке, воспитанном изначально вдали от людей и мучительно осваивающем «науку любви», которая открывается ему во всей своей чистоте лишь тогда, когда он попадает в Индию и там, оказавшись (подобно Рене Шатобриана) среди «детей природы», обретает свое истинное (семейное) счастье, чтобы затем вернуться на родину и поселиться вместе с женой, ее родителями и друзьями в той же долине, где прошло его детство и которая стала для него «Жилищем Природы, любви и счастья», как было написано на воротах при входе в нее. Если учесть, что в «Природе и любви» Лафонтена, как ни в каком другом его сочинении, довольно много «чувственных» сцен, которые могли бы заставить «покраснеть» любого читателя, то можно предположить, что с большой долей вероятности именно этот роман Ленский, старательно пропускавший «две, три страницы», и читал Ольге.

Хрестоматия историко-литературных материалов / Сост., комм. Н. А. Соловьева, А. Ф. Головенченко, Е. Г. Петраш. М., 1990. С. 52. Эта переключка с Шатобрианом дополняет перечень шатобриановских мотивов в «Евгении Онегине», выявленный исследователями. См. подробнее: Вольперт Л. И. Пушкин и Шатобриан // Вольперт Л. И. Пушкинская Франция. Тарту, 2010. С. 449–458; Гиллельсон М. И. Статья Пушкина «О Мильтоне и шатобриановом переводе „Потерянного рая“» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 231–232; см. также: Сиповский В. В. Пушкин, Байрон и Шатобриан. СПб., 1899. С. 28–30.

²¹ Русский перевод И. Ф. Тимковского: Природа и любовь, или Картины человеческого сердца. М., 1799; фр. пер. А. Кольбер: William Hillnet ou la nature et l'amour. Paris, 1801.